

Андрей Кончаловский

Низкие истины

Возвышающий обман

Литературная запись: Александр Липков
Дизайн макета: Артем Кузнецов
Фотография на обложке: Александр Гусов

Во внутреннем оформлении использованы:

— фотографии Дмитрия Коробейникова, Михаила Озерского, Екатерины Чесноковой / РИА Новости; Георгия Тер-Ованесова, Валерия Плотникова / Russian Look; Александра Стернина; Б. М. Балдина; Вл. Уварова

— кадры из фильмов: «Возлюбленные Марии» (Maria's Lovers), реж. А. Кончаловский, 1984 год: Archives du 7e Art / PHOTO 12 / FOTOLINK; «Поезд-беглец» (Runaway Train), реж. А. Кончаловский, 1985 год: PHOTO 12 / FOTOLINK; «Гомер и Эдди» (Homer And Eddie), реж. А. Кончаловский, 1989 год: Archives du 7e Art / PHOTO 12 / FOTOLINK; «Ближний круг» (The Inner Circle), реж. А. Кончаловский, 1991 год: Archives du 7e Art / PHOTO 12 / FOTOLINK; «Одиссея» (The Odyssey), реж. А. Кончаловский, 1997 год: PHOTO 12 / FOTOLINK; «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж», реж. А. Кончаловский © Киноконцерн «Мосфильм», 1967 год; «Романс о влюбленных», реж. А. Кончаловский © Киноконцерн «Мосфильм», 1974 год; «Сибириада», реж. А. Кончаловский © Киноконцерн «Мосфильм», 1978 год

— фото со съемочной площадки фильмов: «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж», реж. А. Кончаловский © Киноконцерн «Мосфильм», 1967 год; «Дворянское гнездо», реж. А. Кончаловский © Киноконцерн «Мосфильм», 1969 год; «Дядя Ваня», реж. А. Кончаловский © Киноконцерн «Мосфильм», 1970 год; «Романс о влюбленных», реж. А. Кончаловский © Киноконцерн «Мосфильм», 1974 год; «Сибириада», реж. А. Кончаловский © Киноконцерн «Мосфильм», 1978 год

— фотографии из личного архива Андрея Кончаловского

К64 **Кончаловский, Андрей Сергеевич.**

Любовь, жизнь, смерть: Низкие истины, Возвышающий обман / Андрей Кончаловский. — Москва : Эксмо, 2014. — 480 с. : ил. — (Кончаловский Андрей: подарочные книги известного режиссера).

ISBN 978-5-699-75621-6

Две книги с мемуарами известного российского режиссера Андрея Кончаловского «Низкие истины» и «Возвышающий обман» вышли более пятнадцати лет назад. Две эти чрезвычайно личные, откровенные книги пережили несколько успешных переизданий. Вероятно, потому, что читаются как роман — с увлечением, взахлеб. Роман о людях, с которыми сводила судьба. Роман о творчестве и вдохновении. Роман о любви и жизни. Кончаловский уверен, что «жизнь — это наш личный эксперимент и чей-то еще над нами. Жизнь настолько коротка, что нужно постараться сделать все возможные ошибки, пока она не закончилась. Цель жизни — видеть, а все остальное — большая иллюзия...». В двух книгах, объединенных под одной обложкой, — история жизни и творчества художника, которого справедливо характеризуют пушкинские строки — «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман»...

**УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4**

Оглавление

Книга I — Низкие истины	9
Часть первая — Начало	11
Улица Горького, 8	15
Дед	19
Нетерпимость	27
Отец	30
Мама	34
Антиподы	37
Музыка	40
Зависть	45
Удар наотмашь	49
Часть вторая — Взросление	53
Эволюция	53
Эротические удовольствия	58
Кончаловка	62
Мастер	65
«Националь»	69
Русская дружба	70
Тарковский	72
Венеция	76
Гена	79
Ревность	80
Самоконтроль	86
Мои идолы	88
Никита	94
Власть	101
Княжна Гагарина	105
Маэстро!	109
Часть третья — «Частное лицо»	115
Зарубежные каникулы	115
Мое открытие Америки	122
Бунюэль	128
Брук	130
Лив	131
Русский любовник	137
Настасья	147
Снимаю американское кино	148
Евреи, приносящие плохие новости	150
Что в глубине?	155
Курсава, Фудзияма, суши	158
Уайльдер	160

Часть четвертая — Финальный срез	165
Блокбастер	165
Брандо	193
Мужчины, женщины, любовь, смерть	204
О пользе интеллектуального онанизма	212
Россия и религия	215
Эпоха самозванства	221
Страх Божий или страх кесарев?	228
Печальные размышления	236
Книга 2 — Возвышающий обман	241
Часть первая — Жизнь и профессия	243
Я люблю себя	243
Возвышающий обман	245
Па-де-де	247
ВГИКовские времена	249
«Первый учитель»	254
Иллюзия победы	259
«Ася Клячина»	261
Свободный полет. Праздник	266
Сценарии и сценаристы	270
Лондон	276
Запрещенный спектакль	279
«Дворянское гнездо»	280
Беата	285
Снова о Тарковском	289
Женщина Боттичелли	294
Вивиан	296
«Дядя Ваня»	302
Партизаны	308
Рита-Ритуля	309
Гога	311
Часть вторая — Режиссерские миры	315
«Романс о влюбленных»	315
Кстати, о Шекспире	317
Как в жизни. Как в искусстве	320
Леван	325
«Сибиряда»	327
Гран-при спесиаль	331
Рудик	335
Люди «Сибиряды»	338
Ваня	341
Малибу	343
Гизела	346
Американское кино	348

Реклама	352
Моя Венеция	354
«Поезд-беглец»	358
«Дуэт для солиста»	365
«Стыдливые люди»	367
Нагибин	370
«Гомер и Эдди»	373
Часть третья — Самопознание	379
Магия оперы. «Евгений Онегин»	379
Снова Чехов	385
Жюльет	389
Комедия «Чайка»	393
Магия оперы. «Пиковая дама»	396
«Ближний круг»	400
«Это жиды, это Вильгельм»	403
Антирусское кино	406
«Одиссея»	410
Цирк	422
Даша	425
Политика и культура	428
Куда идем?	434
Она	438
Вместо заключения	448
Именной указатель	450

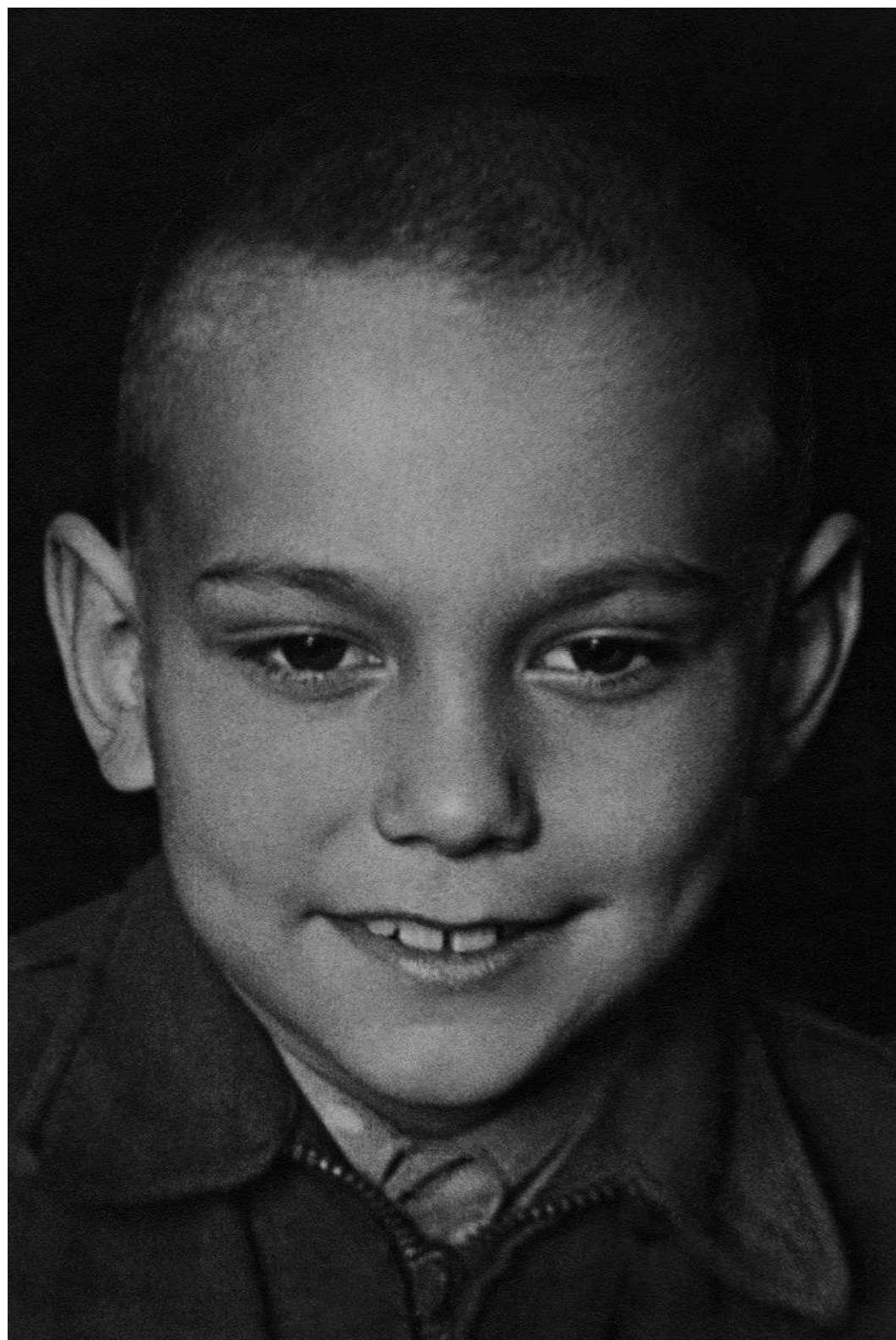

Низкие истины

книга 1

Начало

часть первая

«Я бы желал, чтобы отец мой или мать, а то и оба они вместе — ведь обязанность эта лежала одинаково на них обоих, — поразмыслили над тем, что они делают, в то время, когда они меня зачинали. Если бы они должным образом подумали, сколь многое зависит от того, чем они тогда были заняты, — и что дело тут не только в произведении на свет разумного существа, но что, по всей вероятности, его счастливое телосложение и темперамент, быть может, его дарования и самый склад его ума — и даже, почем знать, судьба всего его рода — определяются их собственной натурой и самочувствием — если бы они, должным образом все это взвесив и обдумав, соответственно поступили, — то, я твердо убежден, я занимал бы совсем иное положение в свете, чем то, в котором читатель, вероятно, меня увидит... Но я был зачат и родился на горе себе...»

Это из английской классики. XVIII век. Лоренс Стерн. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

Продолжая размышления этого неглупого автора, замечу, что если б отец мой и мать в аналогичный момент поразмыслили, в каком году они собираются произвести меня на свет, то, не исключая, от своего намерения бы отказались. В свою очередь и я, если бы знал, что зачинаюсь, и знал, каким будет 1937 год, в котором мне предстоит родиться, и если б к тому же имел возможность выбирать, появляться или не появляться на свет, то, скорее всего, предпочел бы последнее — от ужаса перед грядущим. Это было бы логично. Но пути Господни неисповедимы. Родившись в год самого страшного сталинского террора и прожив достаточное количество лет, могу сказать, что мне повезло появиться на свет. Немалая часть этого везения — семья, в которой я родился, по линии матери в особенности, да и по линии отца тоже.

Об этом своем везении я и собираюсь рассказать в этой книге. И собираюсь сделать это со всей возможной правдивостью. Да, не всегда и не обо всем можно сказать правду, но всегда можно избежать лжи. Лжи в этой книге нет. Во всяком случае, я думаю, что ее нет. Мне этого достаточно.

Итак, о чем я буду писать здесь? О себе. О людях, с которыми встречался. О фильмах, которые снимал. О поступках, которые совершал или не совершал. О мыслях, которые передумал.

«Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», — сказал Александр Сергеевич Пушкин. Что же такое — «низкие истины»?

Они — то, что о себе знаешь, но что знать, а тем более от других слышать, неприятно. То, что от себя гонишь. То, что требует задумываться, заставляет почувствовать себя неудобно. А в целом — расти. Возвышающий обман не способствует росту. «Курочка Ряба» — фильм о «низких истинах». Думаю, поэтому многие ее не принимают.

Почему не принимали Чаадаева, почему его объявляли сумасшедшим? Иные и сегодня его категорически отрицают. Хотя он был во многом прав. Но он говорил о «низких истинах», которые вызывали чувство дискомфорта, о которых не принято было говорить. Никого еще не сажали в сумасшедший дом за «возвышающий обман». А за «низкие истины» пострадало достаточно. Как правило, именно за них.

И так не только в России — никому в мире не нужна пугающая правда. Она нужна, чтобы ее скрывать. Чтобы ее знали немногие и не допускали до нее остальных. Что такое, как не сокрытие правды, «политическая корректность»? Сейчас этот термин очень в ходу, особенно на Западе. Подразумевается, что есть вещи, о которых вслух лучше не говорить. О расах, о том, что не все равны, что братства не было, нет и не будет. Известно, например, что часть исследований по физиологии и психологии разных рас запрещены к публикации, ибо приводят к политически некорректным выводам.

Иногда политическая корректность — это умалчивание истины. Ведь очевидно, что демократия в России сродни демократии в Заире или Эфиопии, но все продолжают говорить о демократических выборах.

Я прочитал когда-то: ничто на свете не имеет никакого другого смысла, кроме того, который вы сами вкладываете. Мысль эта — одна из тех, которые позволяют мне не только черпать энергию в моменты неудач, но и оправдывать себя, хотя надо признать, что она исключает понятие морали и тем самым достаточно безжалостна к общепринятой системе ценностей.

Что такое любовь и почему она не вечна? Сколько раз казалось, что ты нашел именно то, что искал, что было так тебе необходимо! Сколько раз ты был уверен, что это уже навсегда! А потом вдруг приходило ощущение, что все кончено. Ладно любовь к женщине! Возьмите любовь к друзьям. Кажется, не разольешь водой. Так почему ж и это кончается? Не потому ли, что меняется смысл отношений, а смысл им даете вы сами? С друзьями особенно сложно. В моей жизни не раз случалось так, что я оставался совершенно один.

Поражение может казаться катастрофой, а через два года вспоминаешь о нем как о великом счастье. Странная вещь — человеческая натура! Она вся из контрастов, из противоположностей. Кажется, все ясно: я люблю. А оказывается, точнее сказать — люблю и ненавижу. Счастливы люди, не знающие взаимоотношающихся полюсов!

Мое ощущение мира делится на ряд периодов, в которые я исповедовал радикально отличные друг от друга истины. Истины, которые в тот момент казались незыблемыми. Первый, еще детский, исходил из того, что все идет как надо. Во втором, начавшемся с десталинизации, хрущевской оттепели, открылось,

что не все так, как казалось и как мы о том думали. Многие вещи стали подвергаться сомнению, истина стала казаться относительной. Очень серьезную роль во всем этом сыграла книга Дмитрия Кончаловского «Пути России», о ней речь впереди. Этот же период включает в себя и ВГИК, и дружбу с Андреем Тарковским, и работу с ним. Попутно шло набирание опыта, расширение горизонтов, обретение новых истин, убеждений, новой философии, приобщение к религии, до того казавшейся скучной.

А потом настали годы вне России, все в моей жизни перевернулось, хотя, как ни странно, именно в это время к России я был более, чем когда-либо, близок и более, чем когда-либо, по-православному религиозен.

Вся Россия для меня тогда сконцентрировалась в иконке Андрея Первозванного, принадлежавшей еще Василию Ивановичу Сурикову. Она была в черном кожаном чехольчике, мама сшила его своими руками — любила все делать сама. Она дала мне эту иконку, и с тех пор та всегда со мной. Еще мама дала мне молитвослов и свою фотографию. Эти вещи тоже всегда были со мной: кладя их на ночь у изголовья, я чувствовал себя дома. От них, мне казалось, исходила какая-то неведомая энергетическая сила, очень много мне дававшая, особенно тогда, когда было плохо.

А потом настал новый период: случилось то, о чем прежде и не мечталось. Помню, видя Горбачева в Америке, я не мог сдержать слез восторга и гордости. Теперь можно было уже не стыдиться за свою страну. Человек из коммунистической России не мог жить в Америке иначе как с чувством стыда. Невозможно объяснить американцам, что такое Россия и что она далеко не во всем так плоха, как они привыкли думать. Стоит только начать разговор о чем-то подобном, сразу же подозрение, что ты — агент КГБ. Обо мне даже было несколько статей в русской эмигрантской прессе, прямо заявлявших, что я заслан в Америку со специальным заданием. Мне это очень мешало найти работу, начать снимать. Было до отчаяния обидно, закипали слезы бессилия. Казалось, ярлык агента КГБ от меня уже никогда не отклеится. Правда, года три назад в Москве были опубликованы списки тех, кто находился под пристальным наблюдением этой могучей организации, — не обошлось там и без моей фамилии, но на эту публикацию никто и внимания не обратил. Кого сейчас все это волнует! Но в Голливуде-то мне приходилось жить с этим мало украшающим ярлыком! Как могли меня воспринимать американцы? Я был сыном автора Государственного гимна, председателя Союза писателей, депутата Верховного Совета СССР и Российской Федерации, куда, ясно же, не выбирали, а назначали. Диссидентством я не отличался, Россию не ругал. Не ругаю ее и теперь, когда все разрешено. Не ругал ее и в «Куручке Рябе», хотя кому-то очень хочется представить дело именно таким образом.

А следом за перестройкой снова пришла пора перемен, и опять начались сомнения по всем пунктам. Когда в церкви видишь столько лиц, еще вчера усердствовавших в угождении коммунистической власти, трудно счесть этих людей верующими. Моей вере они, естественно, не мешают, но и не то чтобы ей способствуют. Пора мистицизма в моей душе прошла, настала пора серьезных сомнений относительно устройства мира, обоснованности религий, присут-

ствия Бога. В чем-то я завидую своему брату, у которого ясность в голове и душе, твердая непоколебимая философия, дающая покой и уверенность.

Последние его ленты пользуются гораздо большим успехом, чем мои. Они поднимают человека, внушают ему светлые чувства. У меня тяга к светлым чувствам, начиная с «Поезда-беглеца», все слабее. Я по-прежнему искренен в своих картинах, хотя теперь они заметно менее оптимистичны.

Неважно, прав или не прав Никита в своей обретенной истине, но она дает ему основу для дела, которое он делает. Замечательно иметь ясные идеалы и ценности! У меня их нет. Идеалы размыты.

Если всерьез задуматься, человеком движет страх смерти и тщеславие. Но тщеславие есть тоже выражение страха: хочется быть заметным, хочется, чтобы на тебя обратили внимание, не подумали плохо, стали думать лучше, чем прежде. Страшно, если не подумают лучше.

Для чего я пишу эту книгу? Для того, чтобы познать правду о самом себе? Но нужна ли человеку правда о себе? Обман приятнее. Он утешает, возвышает. Если задуматься, то и книга эта сама по себе — в какой-то мере тщеславие. Если хоть немного заглянуть в глубину самого себя, это так. Правильно говорит индийский философ Кришнамурти: жизнь, если вглядеться попристальнее внутрь самого себя, — это пустота. Если приглядеться повнимательнее — мы внутри себя пусты. Но зачем-то мы все-таки сотворены. Как понять — зачем?

У каждого из нас несколько разных форм существования. Одна — на службе, другая — в семье, третья — на отдыхе, четвертая — в туалете. Всюду свой стереотип. Что хорошего, если человек на улице ведет себя как в туалете? Но вот ты наедине с собой и подчас очень хочется от себя бежать. Не ловили ли вы себя на том, что страшно задуматься, кто ты есть на самом деле? И не дай Бог узнать. И уж вовсе не дай Бог, если кто-то посторонний узнает.

Но мы таковы, каковы есть. Нет меня другого, есть я. Значит, надо себя любить. И уж если, паче чаяния, себя не любишь, не стоит мешать другим любить себя. Нельзя ненавидеть себя и любить человечество. Не зря сказано в Евангелии: возлюби ближнего, как самого себя. Значит, сначала возлюби себя, потом уже ближнего.

Любовь к самому себе я начал испытывать достаточно рано. Сначала это была как бы даже и не любовь, а просто биологическая потребность так себя ощущать. Эгоизм — только ли человеку присущ он? А животные? Они эгоистичны? Кто более эгоистичен: ребенок или взрослый? Наверное, ребенок, ведь для него, кроме него самого, в мире ничего не существует. А кто хуже — ребенок или взрослый? Наверное, все же не ребенок: он невинен. Но что же тогда получается? Выходит, эгоистичный ребенок лучше взрослого, который, может быть, даже альтруистичен. Что же тогда хорошо и что плохо?

Есть вопросы, на которые нет ответа. Но задавать их себе все же не лишне. Даже если, в конце концов, они приводят тебя к полнейшей самоиндульгенции. Самопрощение — прибежище эгоистов.

Кому хочется рассказывать о себе плохо? Зачем другим знать об этом? Говорят о себе плохое либо люди отчаявшиеся, либо обуюнные великой гордыней. Но и эта высшая гордыня идет от себялюбия.

Любовь к своему телу — тоже проявление себялюбия, хотя и оно вовсе не лишено рационального зерна. Занимаешься спортом — укрепляешь организм. Помню свой разговор с Занусси. Я сказал ему:

— Что это ты — то занимаешься спортом, то не занимаешься? Надо же поддерживать форму.

— Знаешь, тело — не очень-то это важно, мне интереснее другое. Он имел в виду духовное совершенствование и как бы даже устыдил меня низменностью моей заботы о своем здоровье. А я, презренный, занимаюсь спортом, принимаю витамины, читаю литературу о том, что хорошо и что плохо в еде. Говорят, занятие спортом — особый плод разума. Почему надо заботиться о себе? Ну конечно же, из любви к себе. И еще — из любви к жизни. Потому что я есть выражение жизни. Я забочусь о своем здоровье, чтобы дожить до счастья. У китайцев есть мудрая пословица: «Нужно умереть молодым и постараться сделать это как можно позже».

Улица Горького, 8

У Никитских ворот, в доме, где Кинотеатр повторного фильма и фотоателье, была шашлычная. В фотоателье я снимался на паспорт, в кинотеатре смотрел старые фильмы, в шашлычной портил свою печень на ворованные у родителей деньги. Деньги, впрочем, были не всегда ворованные. Иногда были и заработанные.

Шашлычная на Никитской долгие годы была центром пересечения всех моих маршрутов. В детстве я ездил мимо из сто десятой школы на трамвае домой. Провожатым моим был сын певицы Пантофель-Нечецкой, она жила в соседней квартире.

Первые мои годы прошли в доме № 6 на улице Горького. После войны был построен дом № 8, мы переселились в него. В этом доме жили лауреаты Сталинских премий, жили уцелевшие после довоенных сталинских чисток и жертвы чисток грядущих. Жил очень крупный дипломат, еще литвиновской школы, прокурор, потом посол в Англии Майский. Жил Борис Горбатов со своей женой Татьяной Окуневской и дочерью Ингой. Про Ингу во дворе ходили слухи, что на самом деле она дочь Тито. Жил Илья Эренбург; помню его, приезжающего на своей американской машине. Из машины нырял сразу в подъезд, в свою квартиру — писать статьи. У него всегда было угрюмое лицо; думаю, он не очень любил социалистическую действительность, настоящая его жизнь была где-то ТАМ, в Европе.

Мы жили на пятом этаже. У нас была трехкомнатная квартира, вещь по тем временам почти нереальная. Правда, и нас уже было немало: папа, мама, трое детей, няня-испанка, из коммунистов-испанцев. В нашем подъезде жил Хмелев. Он был женат на Ляле Черной, знаменитой актрисе из цыганского театра «Ромэн». Она любила веселье, чуть не каждый вечер у них собирался целый цыганский хор, на весь подъезд неслось пение. Напротив Хмелева жил дирижер Большого театра Позовский. В соседнем подъезде жили генерал армии Черняховский,

секретарь МК Красавченко, впоследствии, после падения с горкомовских высот, заведовавший кафедрой марксизма во ВГИКе.

Геловани жил в квартире, выходившей окнами на Советскую площадь — напротив «Арагви». К обеду он выходил на балкон, кричал: «Резо!» Из дверей ресторана выглядывал швейцар. «Накрывай!» Ему накрывали стол. Геловани шествовал обедать. С «Арагви» спустя время я тоже познакомился поближе — Михалковыми разных поколений там было выпито достаточно вина и водки.

Году в 47-м мы с отцом как-то зашли к Геловани. Увиденное надолго запомнилось. Он лежал на диване в пустой комнате, вдоль стены на полу стояло несколько десятков пустых коньячных бутылок... Пустая комната, пустые бутылки... Странное ощущение. По дому ходили слухи, что, увидев себя в исполнении Геловани, Сталин сказал: «Не знал, что я такой красивый и такой глупый».

Через стену было слышно, как поет Пантофель-Нечецкая. Она пела ровным голосом, без вибрации. «Ну вот, поехали на речном трамвае», — говорила мама, когда та начинала свои вокализы.

Не скажу, что у нас была образцовая семья. Нас воспитывала мама — и била нас, и целовала, но все равно занималась не очень. Она писала, была поглощена творчеством, папа витал где-то в начальственных высотах, заседал. Естественно, я смутно представлял, чем он занят, да и время то помню смутно. Помню отца в военной форме, помню его скрипящие сапоги, запах кожаной летной куртки с «молниями».

Был случай, когда отцу звонил Сталин — по поводу гимна, сказал, что нужно дописать еще куплет про Красную Армию. Я этого не помню, да меня при этом и не было. Но помню, как в 43-м году позвонили из Кремля. Отец в тот момент мылся в ванной, а я ездил по квартире на трехколесном велосипеде. Квартира была двухкомнатная (тогда мы еще жили в доме № 6 по улице Горького), но для моей езды места хватало. Зазвонил телефон, стоявший на тумбочке-этажерке. Мама сняла трубку, потом пошла к ванной.

— Сережа, тебя к телефону.

— Я моюсь, пускай перезвонят.

— Подойди.

Отец вышел абсолютно голый, весь в пене, прошлепал к телефону. Голую отца, расхаживающего по квартире, я никогда не видел: это меня поразило — наверное, потому и запомнилось. Он стоял около тумбочки, под ним от сползающей пены растекалась лужа. Не возьмусь воспроизвести, что говорил отец, но что-то в памяти осталось — мне все-таки было уже шесть лет.

— Меня вызывают в Кремль. Быстро — собираться!

Мама принялась гладить рубашку, чистить гимнастерку, мне отец поручил сапоги. Как сейчас, вижу себя сидящим на полу и намазывающим их ваксой — сверху донизу, включая подошвы. Старался изо всех сил. Так старался, что заработал подзатыльник. Других новых сапог у отца не было, на высокие государственные этажи пришлось ехать в старых.

К нам в гости приходил Вейланд Родд, негр, актер, много снимавшийся в наших фильмах из «той» жизни. С мамой они говорили по-английски (к маме вообще тянулись люди, говорившие по-английски, она переводила с английского поэ-

зию). Я в первый раз увидел черного человека, страшно испугался, заорал, спрятался — знаю это со слов мамы.

Если посмотреть на этот мир не с моей точки зрения, а с какой-то по возможности объективной, попытаться выразить происходящее вокруг в телеграфной сводке, картина получится занимательнейшая.

1947 год. Железный занавес. Начало антикосмополитской кампании. Журналы, газеты полны антисемитских карикатур, клеймят предателей, безродных отщепенцев, обличают на собраниях, сажают, ссылают. В январе 1948-го убит Михоэлс.

Что происходит в нашем доме? Мне дают манную кашу. С маслом.

Приходит какая-то сумасшедшая женщина, приятельница мамы, они о чем-то говорят за закрытой дверью. Спустя годы узнаю, что это была жена Санаева. Под пальто она завернула себя в отрезы крепдешина и коверкота, просила маму все это спрятать. Санаева арестовали, она боялась самого худшего, хотела спасти хоть что-то. Через пару недель Всеволода Васильевича, на всю жизнь напуганного, выпустили.

Наверное, среди тех, кто приходил к нам, были и стукачи, хотя кто мог знать, кто стукач, кто не стукач. Подозревали все всех — время было такое. Не мне судить тех, кто согласился на это печальное занятие. Всякие могли быть обстоятельства, и если «органы» за тебя брались всерьез, то попробуй не согласишься! Желание спасти семью, детей, собственную жизнь, по моему разумению, важнее любых принципов. Это естественно. Если хотите, это слабость. Но слабость очень человеческая.

Меня огорчила картина Алеши Габриловича (увы, уже покойного) «Мой друг — стукач». Его искренность показалась мне надуманной. Что мы из картины узнали? Что стукачом быть плохо. Что, когда идет дождь, мокро. Алеше было проще — у него был папа, его в стукачи не вербовали. У Димы Оганяна такого папы не было, его завербовали. Не знаю, у многих ли хватило бы твердости отказаться. Я сочувствую тем, кто угодил в осведомители. Ничего хорошего в этом занятии нет. Но люди есть люди. Какие могут быть другие принципы, если надо спасать семью?

Отец рассказывал мне, что позже, в 50-60-е годы, по временам его приглашали в гости к «академику». «Академиком» на самом деле был высокий чин госбезопасности, изображавший из себя для иностранцев радушного хозяина, принимающего в своем доме цвет московской интеллигенции. Ничего особого от отца не требовалось. Надо было просто сидеть за столом, пить, есть, вести светские разговоры, в общем, «чувствовать себя непринужденно». Гостями в этом доме были известные артисты, крупные ученые, писатели. Никто не отказывался. Хотя, наверное, не всех и приглашали.

А вот то, что было на моих глазах.

Матвей Блантер играл у нас на рояле (они с отцом сочиняли песню) и зарыдал:

— Не могу! Не могу! Меня завтра посадят!

Что означает «меня завтра посадят», я не представлял.

Его жена Таня Блантер была красавица. Тогда славились три Татьяны, самые красивые, самые обожаемые, самые неотразимые для всей мужской части Москвы женщины, — Таня Блантер, Таня Окуневская, Таня Лагина.